

Ольга Покровская
Рассветный сон

Повесть

Ольга Владимировна Покровская

Рассветный сон. Повесть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27344836

ISBN 9785448592386

Аннотация

Благополучная и довольная жизнью домохозяйка видит сон, который заставляет ее бежать из московской квартиры в родной городок, чтобы разузнать подробности событий, произошедших двадцать лет назад.

Рассветный сон

Повесть

**Ольга Владимировна
Покровская**

Иллюстратор Ольга Владимировна Покровская

© Ольга Владимировна Покровская, 2017

© Ольга Владимировна Покровская, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4485-9238-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Московской домохозяйке Вере Юльевне приснился кошмар. Липкое видение страшило не сюжетом, а муторным ощущением, которое не исчезает в яви, но тяжелым осадком уходит внутрь. Примерещился незнакомый голос, полный тоски и муки, – голос ее сына, который звал маму, жаловался и молил о помощи. Впечатление было настолько сильным, что сорокалетняя Вера, пробудившись и встретив осмысленными глазами тюль, занавески, зеленоватые тени спальни, не сразу вспомнила, что детей у нее нет.

Встала она больной и разбитой, а ноздри щекотал хими-

ческий душок. Вера, ненавидевшая запахи краски и линолеума, замечала, что после ремонта в комнатах поселился ацетоновый призрак, который дружил с плохим самочувствием и сообщал о недуге, готовом к нападению. В такие минуты Вере переставала нравиться герметичная замкнутость домашнего микроклимата, ради которого поводила створками массивная конструкция под потолком, и жалко было, что на перекрестье загазованных улиц нельзя распахнуть окна и дышать воздухом.

Морщась от головной боли и пакостного осадка на душе, Вера Юльевна сервировала мужу завтрак, и Андрей Михайлович – в отглаженной рубашке и костюмных брюках – смешивал в пиале творог, напоминающий разведенный гипс, и вишневое варенье. Он – грузный, пожилой, потерявший форму к пятидесяти годам – смаковал с ложечки подслащенную массу и следил за утренней передачей, где говорили о непонятных вещах под названием «финансы». Иногда Андрей Михайлович комментировал:

– В таком галстуке не лезут на экран, деревня! Тебе только сидеть в кафе «Ромашка», пить «Жигулевское барное» и закусывать желтым полосатиком!

Потом Андрей Михайлович перевел внимание на жену – на дрожащие ресницы, на припухшие губы – и его пронзительный глаз определил неладное.

– Что с тобой?

Вера знала, что муж не терпит упоминаний о бытовых

проблемах. Андрей Михайлович считал, что этими вопросами должна заниматься жена – или кто-то, нанятый женой, – и что уровень его доходов позволяет наслаждаться домашней беззаботностью. Рассказывать, что ее задел фантастический сон, было вовсе глупо. Вера отговорила плохим самочувствием, уловив в голубых глазах мужа искреннюю тревогу и беспокойство. В семейном дуэте роль больного исполнял супруг, жена играла врачевателя, и возможная перемена функций ставила Андрея Михайловича в тупик. Было даже что-то беспомощное в голосе, которым он велел:

– Ты должна показаться врачу.

Обычно после фразы «ты должна» следовало педантичное выполнение приказа – слова мужа были для Веры законом. Андрей Михайлович гневно покачал головой с седым ежиком.

– Когда ты была в поликлинике? Что за легкомыслие? Ступай немедленно.

Вера не переступала порога лечущих учреждений почти двадцать лет. Необъяснимый ужас перед людьми в белых халатах не имел основания – у нее было крепкое провинциальное здоровье. Хвороб, кроме редких простуд, у нее не случалось, даже зубы не болели. Поэтому в поликлинике, где Андрей Михайлович всегда обследовался и где его хорошо знали, она оказалась в положении плохого ученика, отвечающего невпопад. Она лишь прилежно, для галочки, совершала послушание: была уверена – истоки неприятного сна

связаны не с ее болезнями, а с детьми Андрея Михайловича от первого брака. Дурные новости пришли как раз накануне. Старшая – художница – демонстративно не пригласила отца на свою выставку изразцов, а сын-студент подрался в ночном клубе, получил легкое сотрясение мозга и несколько швов на бровь.

Специалисты заполняли Верину карточку и, соблюдая формальности, выпроваживали из кабинетов с рецептами дорогих снадобий. На шестой или седьмой итерации Вера предчувствовала освобождение от повинности, как вдруг оказалось, что у гинеколога ее ждет сюрприз.

Суховатая женщина заполняла карточный разворот, блестя массивным золотом на пальцах, и, между многими вопросами, поинтересовалась:

– Беременность одна была?

– Не было, – ответила Вера.

Врач подняла голову и уперлась в Верино лицо ядовитыми глазами.

– Дама, – произнесла она, отчетливо выговаривая слова, будто пациентка страдала не болезнями женских органов, а головой. – Мы не побежим к мужу с вашими секретами... у нас врачебная тайна, а не завалинка, где языками болтают.

Вера растерялась и обиделась.

– Вы меня за сумасшедшую принимаете?

– По-вашему, мы тоже дурачки? – прошипела врач.

Последующий конфликт перетек в кабинет Павла Рафаи-

ловича – величественного мужчины с белоснежными прядями и бугристым лицом. Рокоча чудодейственным басом, Павел Рафаилович уговаривал разволновавшуюся пациентку:

– Уважаемая, мы профессионалы в своем деле... шрам от кесарева сечения со следами аппендэктомии ни один доктор не перепутает, – и хмурил кустистые брови.

Абсурдность ситуации выбила Веру из колеи – ее возмутило не вздорное обвинение, а навязанная роль подопытного кролика, на котором проводят непонятный эксперимент по внушению. Едва не плача, она рассказывала, что аппендикс ей вырезали двадцать лет назад – до института – в родном городе... Павел Рафаилович насупился, кивал, не возражал, но Вера прекрасно видела, что он не верит, а, пропуская ее слова через фильтр, делает выводы. Выслушав Веру, он вкрадчиво предложил:

– Давайте, если мы не можем вербально установить истину, доверим дело технике?

Выйдя из кабинета импозантного заведующего, Вера задержалась у приоткрытой двери и разобрала обрывки телефонного разговора:

– Инна Алимовна, вы что – не помните, что родовой психоз никто не отменял? Еще как забывают! Мало ли какие тяжелые моменты... да, консультация психолога...

Вера была так поражена, что, оказавшись под ультразвуковыми лучами, не удивилась, когда ей заявили, что аппендикс на месте. Она понимала: против нее составлен заговор.

Предстояло разобраться, кто замышляет против Веры и чью интригу проводят люди с медицинскими дипломами.

Она бродила по Садовому кольцу, нащупывая смысл разыгранного перед ней спектакля, но нить поисков ускользала и концы с концами не сходились. Попался рекламный щит, и Вера решилась немедленно уличить во вранье преступную шайку. Блистающая чистотой клиника в старинном бледно-розовом доме оказалась несусветно дорогой. Хирург, молодой бурят, долго мял ей живот костлявыми пальцами и бережно переворачивал с одного бока на другой, но заверил, что червеобразный отросток невредим. Ставя личный оттиск в карточку, он косился на ее убитое лицо, недоумевая по поводу странной реакции пациентки. От хирурга ватные ноги перенесли Веру к гинекологу, где приветливая девушка заученно поинтересовалась количеством родов, и Вера, опасаясь излишнего внимания к психике, непривычными губами выдавила:

– Одни...

Уточняющие вопросы вогнали ее в ступор: она не знала, что отвечать. Воображение пасовало, потому что в эту область женского существования Вера не заглядывала. Заметив, что пациентка теряет адекватность, девушка прекратила расспросы и набросала программу обследований, сулящую учреждению многотысячный доход. Вера не слушала. Выйдя из клиники, она с приоткрытым ртом брела по улице, не замечая, что сжимает в руке ворох желтоватых блан-

ков. Между бурыми домами ей увиделась пластмассовая детская площадка – яркая, но без детей. Вера села на скамейку, устала на зеленую лестницу с розовыми перекладинами и попыталась угадать причины заговора, направленного на скромную домохозяйку – жену не выдающегося коммерческого директора в полугосударственной структуре. Закралась мысль: может, она действительно что-то забыла? Воспоминания переносили ее во времена, которые она не любила: начало девяностых, когда заболела мама, денег не было, зарплату не платили... Сестра Ксения вышла замуж за Виталия, молодой супруг крутился из последних сил – занялся торговлей, чреватой опасными историями, но с непривычки у него плохо получалось. А Вера закончила десятый класс и перед экзаменом по математике угодила в больницу с аппендицитом. Ей думалось – на месяц, но выпустили через неделю. Правда, учителя пожалели ее и избавили от экзамена. Роды? Об этом речи не было... Однокласснику Саше разрешалось, провожая из школы, целовать Веру в подъезде. А через два месяца она уехала в Москву – поступать в институт. Возможно, Ксения заподозрила молодого мужа в симпатии к свояченице, но, так или иначе, старшая сестра в один прекрасный момент сказала младшей:

– Верка, уезжай, пока есть возможность. Сейчас в образование не рвутся... может, поступишь.

Перспектива московского института казалась в то лихорадочное время фантастикой. Дипломированные специалисты

бросились торговать китайским ширпотребом, а подрастающее поколение не видело смысла тянуть пятилетнюю лямку. Максимум куда шли учиться Верины одноклассники – на курсы бухгалтеров. Вера страшилась отрываться от семьи, но в городе не было шансов: даже продавщицу в ларек нанимали по большому благу. Она робко возразила, что не на что жить в столице, но сестра заверила:

– Как-нибудь поможем.

Вера уехала с горьким чувством, что ее выгнали. После, одиноко мыкаясь по Москве, она проклинала сестру, а еще позже – выйдя замуж за Андрея Михайловича и наслаждаясь сытым благополучием – молила бога за ее здоровье. Если были в ее жизни потайные двери, то ключ следовало искать у сестры – мама умерла, отца она не помнила.

Вера медленно, окружными путями повлеклась домой, обдумывая вопросы и одевая их в дипломатичные формулировки – свалиться в гости после пяти лет отсутствия и интересоваться подробностями собственной личной жизни выглядело странным. Но кого тогда спрашивать? Школьные знакомства остались в отрезанном детстве, и даже с сестрой особенной близости не было. Еще она гадала, как отчитаться Андрею Михайловичу о визите и не упрепят ли ее доброжелатели. Цену пресловутой врачебной тайне она знала хорошо, помня по нравам малой родины, как споро просачиваются щекотливые детали за пределы больничных стен. Потом дошло: конечно, больница. Выплыло видение: стены, обли-

цованные кафелем... боль... дикий страх... Хирург Антон Васильевич потрепал ее по плечу... и она очнулась в палате. Все записано и положено в архив. Вспомнились справки на пористой бумаге, которые она роняла перед столом классного руководителя. Не было бы счастья, да несчастье помогло – она повидается с Ксенией, посмотрит, во что превратился родной город, увидит знакомых.

Вечером уставшую от впечатлений Веру посетила золовка Лилия Михайловна. Явилась с томным выражением, мимоходом бросила «привет». Бесцеремонно двинулась в квартиру, клича нараспев: «Фи-фа! Фифо-чка!...» Извлекла любимицу, свой подарок – сиамскую кошку, – и заворковала, причмокивая от умиления. Вера сидела напротив на кожаном диване и ревниво наблюдала, как странноватое создание льнет к гостье. Фифу, за два года не ставшую частью дома, она побаивалась. Было нечто противоестественное и змеиное в фосфоресцирующих глазах и вкрадчивых извивах шеи, и даже окраска – с подпалинами – вызывала у Веры неприятные ассоциации. Нормальными кошками она считала наглых бродяг, которые грызли куриные кости под крыльцом диспетчерской ЖЭКа. У Фифы была мерзкая привычка, усевшись на верхнюю полку, замерев и пугающе вывернув плечевые суставы, гипнотизировать бестрепетным взглядом хозяйку дома – Вера, чувствуя дискомфорт, поднимала глаза и, натываясь на потустороннее свечение синеватых хрусталиков, дергалась от испуга. Андрею Михайловичу Фифа

не устраивала представлений, но если его авторитет она признавала, скрепя сердце и как бы под нажимом обстоятельств, то в присутствии Лилии Михайловны плавилась, как воск, и расслаблялась до неприличия.

– Соскучилась, моя ласточка? – спрашивала Лилия Михайловна шаловливо, но давая понять, что в шутке есть доля правды. – Некому тебя приласкать, приголубить... – Обчесав кошке все возможные места, она непринужденно уронила: – Может, и к лучшему, что детей у вас нет, – кошку обиходить не можете.

Это замечание стало последней каплей – Вера сжалась, словно золотка попала по больному месту. Прилипчивая детская тема уже резала ей слух, и упрек Лилии Михайловны вызвал тошноту недавнего пробуждения: едкий ацетон и уверенность в существовании сына. Пугающей болью кольнула сердце пригрезившаяся мольба о помощи. Иллюзия требовала решительного прекращения.

Через сутки Вера сидела в мягком купе поезда, идущего в родные края, и томилась от неудобной паузы перед отъездом. Оторопело глядя через пыльное окно на людскую суету, она подавляла тревогу и недоумение: что происходит? Зачем и куда она едет?

Плотный парень бесцеремонно, задевая колени, втащил чемодан. Соседкой оказалась старушка лет семидесяти. Когда ушел провожатый, она уставилась на Веру с блаженной улыбкой.

– Как вас зовут?

Вера назвалась. Старушка кивнула, получив подтверждение некой версии, которая сложилась у нее с первого взгляда.

– Очень красивое имя. Вы, должно быть, гордитесь?

– Чем? – опешила Вера.

– Именем.

Соседка казалась тронутой. Поезд вздрогнул, скрипнули колеса, и в окне поплыло асфальтовое полотно перрона – за ним стрелки и запасные пути, потом вагоны товарных составов, крыши промышленных корпусов и далекие коробки многоэтажек. Прибежала веселая проводница:

– Чайку, девочки?

Старушка завела беседу, а Вера откинулась на волглую подушку, собираясь с мыслями. Куда и зачем она едет? О чем спрашивать? Формально она, как ответственный человек, должна была забрать из больницы медицинскую карточку – так она объяснила Андрею Михайловичу внезапный отъезд, и супруг счел легенду правдоподобной. Он согласился, что в вопросах здоровья нельзя доверять почте или архивным службистам – работникам, получающим гроши и исполняющим обязанности пропорционально величине зарплаты. Когда ленишься потрудиться, получается соответственный результат: пришлют не то, потеряют бандероль... или вовсе не ответят. Но если Андрей Михайлович не ведал сомнений, то Вере мнилось со страхом, что она, поддавшись злокаче-

ственному мороку, отбывает в опасное путешествие. Обманность происходящего заставила ее – на всякий случай – проверить сквозь ткань дорожного платья, на месте ли шрам от операции. Убедившись, что тот не исчез, Вера вспомнила, что шрам с первых дней казался ей подозрительным. Общеизвестная анатомия утверждала, что аппендикс расположен справа, и длинный рубец на середине живота озадачивал. Но врачам виднее, где резать...

Она прислушивалась к мерному стуку, оживляя в памяти сложные годы. Представилось, как она, кутаясь в драповый зипун, мерзла на лекциях, потому что в институте не топили, как выводила каракули замерзшей ручкой, приноровив ее к кисти, одетой в варежку. Как перебивалась в общежитии на скудных сестринских подачках, как изворачивалась, перехватывая подработки в обнищавшей Москве, и как тяжело давались редкие копейки. Потом ей повезло – однокурсница, которая выскочила замуж и собралась в Германию, пристроила ее вместо себя ночной секретаршей, и потянулись бессонные мучения. Засыпая на посту, она падала со стула, пряталась в безлюдном здании от охранников, от пьяных маньяков в малиновых пиджаках... Потом волоокою секретаршу с броской внешностью приметил Андрей Михайлович – у Веры была пышная сахарная фигура и в красоте было что-то покорно-коровье, многим нравилась ее вальяжная повадка. Поначалу Андрей Михайлович не собирался жениться, но со временем обнаружил, что безропотная пассия чест-

на, рассудительна, и главное – обладает даром обволакивать мужчину приятной теплотой и заботой, а он изрядно утомился от претензий истеричной жены и от гиперактивных детей, хронически создававших ненужные проблемы. Поэтому, застав в приемной на коленях перед Верой двухметрового нефтяника, трясущего букетом – размером с сибирскую сосну – и сулящего дом в Нефтеюганске, спохватился, что поезд уйдет, и решился на экстраординарный шаг.

После искрящейся столицы вагон утонул в темноте, в коридоре говорили и смеялись, а Вера устроилась на ночлег, накрылась куцым одеялом и погасила лампочку над изголовьем. Едва она осталась наедине с собой, навалились тяжелые мысли. Сон не приходил, и томительное бдение нашептывало, что сумасбродная идея обречена: есть секрет, который ей не раскроют, и есть люди, которые уйдут от ее вопросов. В неприятной, стучащей колесами полудреме она промаялась ночь и едва успела к станции, собравшись в беспорядке. На вагонных ступеньках ударили в ноздри креозот и уголь, но, когда в утреннем свете, в весенней дымке возник перед глазами знакомый вокзал, подкрашенный и принаряженный, ночные предчувствия схлынули. Вере уже хотелось рассмеяться: ей помнилось, что сокровенной жизни в городке не существовало – каждый знал друг о друге любые тайные подробности. Она уже ничего не боялась – проснувшись радость безмятежного детства пересилила печали. За ее пятилетнее отсутствие вокзал почти не изменился, только

киоск с быстрой едой перешел с привычного общепита на куриные изделия и дальний угол был огорожен лентами скотча. Вере было бы отраднo встретить знакомое лицо, она поискала по сторонам и, заметив ответный взгляд, приветливо кивнула человеку у касс, признав бывшего соседа, Константина Ивановича. Неприятно удивило, что опухший, сутулый Константин Иванович, который не только видел ее, но и настойчиво разглядывал, будучи обнаруженным, вздрогнул, смешался и выскользнул в боковую дверь. Веселое настроение немного повредилось, но Вера поняла, что, судя по виду, Константин Иванович сильно пьет – следовательно плохо соображает, и спрос с него никакой.

Вера приехала налегке, и не было смысла брать машину – она влезла в полупустой автобус до тепличного хозяйства. После маминой смерти Ксения с Виталием построили дом в коттеджном поселке и переехали на окраину. Вера подспудно дивилась, на какие деньги семья малоудачливого коммерсанта сделала роскошное приобретение, если иногда еле сводили концы с концами. Но задавать прямые вопросы о чужих деньгах она стеснялась и думала, что Ксения обедняется.

Устроившись на заднем сидении, Вера рассматривала улицы. Легкая муть подкатила к горлу, потянув за собой тоскливое ощущение из кошмарного сна. Впечатление накатило так внезапно, что Вера вздрогнула, оглядываясь и ища причину. Причина нашлась – под сидением лежала, исто-

чая резкий запах, свежая банка из-под краски. Провинциальная простота нравов давала о себе знать, но Вера смирилась: в другом автобусе были возможны другие неприятные сюрпризы. Пока она подавляла эмоции, кондуктор – неряшливая тетка с денежной сумкой – поднялась и пошла по салону. Вера вынула мелочь, разбирая монеты на ладони – она не знала, сколько стоит билет. В последний ее приезд брали по двенадцать рублей, но цены росли периодически. Кондуктор протянула руку с облупившимися ногтями и ожоговым пятном на кисти, прикоснулась к пассажирке, и Веру ударило током.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.